

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕСТАВРАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИРАНСКИХ ФАЯНСОВ. ТРИ СЛУЧАЯ ИЗ РЕСТАВРАЦИОННОЙ ПРАКТИКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

*Работа представлена кафедрой реставрации и живописи
Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии им. А. Л. Штиглица.
Научный руководитель – кандидат искусствоведения, профессор В. М. Мошков*

Статья посвящена проблемам реставрации средневековых иранских фаянсов на примере трех случаев из реставрационной практики Государственного Эрмитажа последних лет. Памятники несли на себе следы прежних реставрационных вмешательств и другие ярко выраженные свидетельства бытования, что поставило перед реставраторами ряд сложных задач. Предметы, о которых идет речь, очень значимы для эрмитажной коллекции, поэтому особенно важным стал выбор оптимальных реставрационных подходов.

Ключевые слова: керамика, Иран, реставрация.

T. Shlykova

PROBLEMS OF CONSERVATION OF MEDIEVAL IRANIAN FAIENCES. THREE CASES FROM THE RESTORATION PRACTICE OF THE STATE HERMITAGE

The article is devoted to the problems of restoration of medieval Iranian faiences illustrated by three recent case histories from the restoration practice of the State Hermitage. The items discussed had marks of previous restorations and other evidences of their “living”, which were a challenge for restorers. The items are of great value for the Hermitage collection, so to choose adequate restoration approaches was especially important.

Key words: ceramics, Iran, restoration.

В реставрационной практике особое место принадлежит случаям, когда приходится сталкиваться с ярко выраженными следами бытования предмета. Чаще всего это следы предыдущей реставрации, одной или нескольких, но не всегда и не только. Проблемы, которые приходится в таких случаях решать реставратору, могут быть разными, но всегда встает этический вопрос, который можно кратко сформулировать как противоречие между «первозданностью» предмета и его «историей». Три случая реставрации средневековых иранских фаянсов из практики Государственного Эрмитажа последних лет оказались в этом отношении очень характерными.

Два иранских блюда поступили в реставрацию в 2004 г. в связи с подготовкой к выставке «Иран в Эрмитаже. Формирование коллекций». Памятники были ранее реставрированы: оба поступили в Эрмитаж из знаменитого селения Кубачи (Дагестан), где, по всей видимости, и прошли реставрацию. Блюда нуждались в повторной реставрации: старые реставрационные материалы потеряли как механическую прочность, так и эстетические качества. Необходимо было демонтировать их, полностью удалить следы прежней реставрации. При этом представлялась возможность изучить особенности этой реставрации и бытования предметов.

Блюдо, инв. № VG-747, происходит из города Нишапур (северо-восток Ирана) и относится ко второй половине XV в. Роспись, выполненная кобальтом в подглазурной технике, подчеркивает условное деление на три части: дно, стенки и борт. Тип орнамента – геометрический, восходящий к китайским образцам, но прошедший долгий путь трансформации в исламском мире. Орнамент построен по принципу центральной симметрии. Мотив росписи представляет собой два яруса лент, образующих сложную сеть. Интервалы заполнены рисунком трех типов: сетка, штриховка и чешуйчатый узор. Медальон в центре трактован как восьмилучевая звезда, заключающая в себе цветок с восемью лепестками. Край украшен сетчатым орнаментом. Блюдо ценно тем, что кроме него в мире известен всего один предмет с такой росписью – блюдо из собрания музея Метрополитен в Нью-Йорке, инв. № 36.20.4 [3, р. 44].

На оборотной стороне блюда – характерный для изделий Нишапура в течение XV в. орнамент – протяженный завиток, состоящий из двух волн по обеим сторонам горизонтальной линии. Подобный орнамент обычно не встречается на изделиях, происходящих из других центров керамического производства Ирана, поэтому он может служить стилистическим ключом к определению центра производства [2, р. 35].

Блюдо поступило в реставрацию в двух фрагментах, соединенных толстой корродированной проволокой, продетой в просверленные по обеим сторонам слома семь пар отверстий диаметром 4–5 мм. Шов, отверстия и крепеж были очень загрязнены, как и поверхность керамики с обеих сторон, особенно с оборотной. С оборотной стороны внутренняя часть ножки была покрыта плотной пленкой темного вещества, у слома была подклеена небольшая (1,5 x 9 см) полоска тонкой ткани вишневого цвета. К блюду прилагалась деревянная доделка, восполнявшая прежде крупную утрату борта. С лицевой стороны она была оклеена бумагой, очень потерта с обеих сторон, по краям –

следы клея и четыре маленьких фрагмента подлинной керамики.

Можно с большой долей вероятности воссоздать картину бытования блюда. После того как оно было разбито на три части, его подвергли первой реставрации: просверлили парные отверстия и соединили части блюда проволокой. При демонтаже выяснилось, что клей при этом не применялся, незащищенная керамика на сломе была покрыта стойкими загрязнениями. В пользу того, что блюдо было разбито именно на три части, говорят отверстия у сломов, примыкавших к утраченному ныне третьему фрагменту (креплений предположительно было четыре). Со временем меньший из фрагментов оказался утрачен. По размеру была изготовлена деревянная доделка, оклеенная затем бумагой и смонтированная на клей животного происхождения. Сохранность бумаги очень плохая, на ней еле различимы следы раскраски. Край, по-видимому, был равномерно окрашен синим, условно продолжая обрамляющий мотив росписи. Ткань, подклеенная с оборотной стороны, исследована в отделе научно-технической экспертизы Эрмитажа (ОНТЭ) старшим научным сотрудником Е. А. Миколайчук. По результатам исследования ее можно классифицировать как «гладкий шелк». Ткань окрашена анилиновым протравным красителем антрахинонового ряда. Промышленное производство анилиновых красителей началось в конце XIX – начале XX в. Следовательно, эти даты можно принять как верхний порог возраста ткани (заключение Е. А. Миколайчук № 150 от 17.05.04). Таким образом, та реставрация, при которой подклеена ткань, относительно поздняя. Блюдо приобретено Эрмитажем в 1928 г. у кубачинца Шамхала Амирова. Если принять как факт то, что ткань приклеена до поступления блюда в Эрмитаж, временными рамками реставрационного вмешательства можно было бы считать конец XIX – первую четверть XX в. Поскольку деревянная доделка деформировалась и дала усадку, а клей, на который она была смонтирована,

проявил себя как очень жесткий, то доделка отошла, оторвав четыре небольших фрагмента керамики.

Реставрацию блюда выполнила художник-реставратор высшей квалификации Е. П. Черепанова. Блюдо было демонтировано и освобождено от загрязнений. Четыре небольших фрагмента керамики были осторожно сняты с деревянной доделки и расчищены от клея. Выяснилось, что фрагменты расслоились на тонкие пластинки. Склейка производилась 10%-ным раствором поливинилбутирала (ПВБ) в спирте. Утраченная часть борта восполнена из гипсополимера, отверстия и шов заполнены акриловой доделочной массой, все восполнения тонированы. Тонировки положены в соответствии с цветом и тоном подлинника (фона), но с легким отличием. На восполненном крупном фрагменте рисунок не восстанавливался, но тонировка подобрана так, чтобы визуально объединить реставрационное восполнение с подлинными частями для восприятия произведения как целостного. На поверхностях шва и отверстий подлинный рисунок реконструирован.

Блюдо VG-2660 относится к группе изделий, расписанных черным под прозрачной (в данном случае зеленой) глазурью. В центре изображен цветок лотоса в профильном изображении, в композиции он является доминантой. Четыре стебля с листьями отходят от него к периферии. Стенки покрывают изображения четырех рыбок, чередующиеся с кустами и стилизованными изображениями облаков – изделия с подобной росписью, встречающиеся очень редко, обычно датируют второй половиной XV – началом XVI в. [1, с. 142]. Борт украшен растительным орнаментом в виде волнистого стебля с листьями, обратная сторона – характерным орнаментом, изображающим повторяющиеся пары листьев. Этот орнамент указывает на город Тебриз как на наиболее вероятный центр производства [3, р. 120, 121].

Блюдо поступило в реставрацию в 11 фрагментах, скрепленных проволокой, продетой

в просверленные по обеим сторонам шва отверстия двух типов: 1) широкие (около 4 мм), но аккуратные с обеих сторон; проволока, продетая в них, – толстая, крученая; 2) узкие (около 1,5 мм), аккуратные с лицевой стороны, но со значительными сколами глазури и керамики с оборотной; проволока – тонкая, некрученая. Блюдо было сильно загрязнено, особенно с оборотной стороны.

Реставрацию блюда осуществила художник-реставратор высшей квалификации А. И. Поздняк. Старая проволока была удалена, склейка расшита, швы расчищены от клеев, фрагменты освобождены от загрязнений. Демонтаж показал, что блюдо было разбито не один раз, как первое, а дважды, и прошло не одну, как думали раньше, а две реставрации. При первой не использовался клей, швы оказались покрыты стойкими загрязнениями. Вторая более основательна: кроме проволочного крепежа использовался клей, причем двух типов. Исследование клеев, проведенное старшим научным сотрудником ОНТЭ И. А. Григорьевой, показало, что в основном это синтетический клей на основе нитрата целлюлозы, на него смонтированы крупные фрагменты. Более мелкие, уже без проволочных креплений, смонтированы на клей, который является сополимером на основе винилацетата и этилена. Керамика в местах сломов после расчистки от клеев оказалась чистой. Именно по «рисунку» сломов стало понятно, что реставрация, при которой не использовался клей, более ранняя, поскольку при втором вмешательстве прежняя реставрация не демонтировалась. По данным исследования старшего научного сотрудника ОНТЭ С. В. Хаврина, проволока не раньше середины XIX в. была покрыта краской из свинцово-цинковых белил. Если принимать за верхний возрастной порог середину XIX в., вторая реставрация – относительно поздняя. Об этом же говорит и использование клея на синтетической основе.

Блюдо склеено 10%-ным раствором ПВБ в спирте. Швы и отверстия в керамике за-

полнены мастикой на основе порошка ПВБ, замешанного на спирте с добавлением красителя для холодной росписи стекла, дающего чистый цвет и сохраняющего прозрачность, – это можно считать удачной реставрационной находкой.

В результате проведенной реставрации памятники приобрели экспозиционный вид и заняли достойное место в экспозиции и каталоге выставки. Демонтаж и исследования, сопутствующие реставрации, сделали доступной ранее скрытую информацию о некоторых подробностях истории памятников, так как невозможно не рассматривать реставрацию и бытование памятников как часть их истории.

Несколько иные проблемы поставила перед реставратором и автором этой статьи иранская чаша XVII в. с подглазурной росписью кобальтом, инв. № VG-2541, замечательная своими большими размерами (диаметр 43 см, высота 18 см). Основными центрами производства такой керамики считаются иранские города Керман и Мешхед. Роспись в виде зигзагообразно извивающегося стебля с цветком на каждом изгибе и заполняющих резервное пространство «китайских облаков» плотно и равномерно покрывает наружную поверхность чаши. Роспись внутренней поверхности составляют медальон в центре и узкий орнаментальный пояс в верхней части. В медальоне изображение животного, напоминающего льва, по обеим сторонам от него расположены геометрические фигуры, заполненные узором в виде чешуек, поле заполнено изображением стеблей и цветов. Акцентируя верх и низ, художник подчеркивает объем, глубину чаши. Подобная декоративная схема характерна для чаш этого типа*. Верхний край чаши отведен коричневой краской: по предположению А. Лейна, для имитации металлической оправы [4, р. 96]. Такие отводки появляются на изделиях, расписанных кобальтом, к концу XVI – началу XVII в.

Стенки чаши на протяжении многих лет выделяют зеленое порошкообразное вещество, этот факт и послужил поводом для пере-

дачи ее в реставрацию в 2005 г. Стенки чаши были сплошь покрыты зеленой «бахромой», выступившей по многочисленным трещинам и закрывавшей роспись. До этого в реставрационной практике Эрмитажа не было не только аналогичных, но даже сколько-нибудь похожих случаев. И снаружи, и изнутри стенки чаши покрыты выраженной – крупной и глубокой – сеткой кракле. Чаша поступила с двумя утратами борта; имелись три маленьких фрагмента борта. Несмотря на то что поверхность была в значительной степени закрыта наслоениями, можно было уже до реставрации рассмотреть, что поверхность под глазурью покрыта обширными желтыми, зелеными, коричневыми, серыми ореолами, особенно выраженными вокруг трещин. Около одной из утрат заметен след старой починки: просверленное с внешней стороны примерно на половину толщины черепка отверстие рядом со сломом.

Исследованием чаши занималась ведущая лабораторией химических исследований Эрмитажа И. Л. Ногид. В рабочем журнале И. Л. Ногид за 1956 г. ведущему научному сотруднику ОНТЭ Н. Г. Герасимовой удалось найти следующую запись: «Зеленая соль (выступает на поверхности). Растворяется в слабой соляной кислоте легко, давая бесцветный раствор. Капля этого раствора на фильтровальной бумаге, предварительно смоченной каплей раствора желтой кровяной соли, дает характерное для меди красное-бурое пятно. Соль растворяется в аммиаке (хуже), давая характерное для меди синее окрашивание. Таким образом, зеленая соль представляет собой соль меди, очевидно карбонат, судя по цвету и растворимости. Удалить соль с керамики можно при помощи 5% HCl с последующим тщательным промыванием водой».

К чаше прилагалась записка со следующим содержанием: «По-видимому, в чаше размещивали малахит. Он проник через трещины в глазури, через тесто и наружу. Мнение специалиста из Англии Yolande Crowe». Осмотр чаши И. Кров, по сведениям, полу-

ченным от хранителя, ведущего научного сотрудника отдела Востока А. Т. Адамовой, относится к 1980-м гг.

Установлено, что «находящийся внутри чаши порошок является солями меди. В основном это хлориды меди. По-видимому, они когда-то находились в чаше в виде раствора и по трещинам в глазури и в черепае проникли внутрь фаянса, пропитав его во многих местах на глубину до 5–7 мм» (закключение С. В. Хаврина № 1216 от 20.03.06). На основании этого результата было принято решение освободить поверхность чаши и черепок от наслоений путем промывания в воде с периодической сушкой (решение реставрационной комиссии по керамике, фарфору, стеклу № 215 от 23.03.06).

Предполагалось, что в процессе работы станет ясно, насколько трудно будут удаляться соли с поверхности и из глубины черепка и будут ли они выделяться снова. Перед тем как погрузить чашу в воду, был проведен тест на растворимость порошка (ватным тампоном на пробном участке, а также на предметном стекле). Выяснилось, что порошок слабо растворяется, но без труда смывается водой. Чаша на некоторое время была погружена в ванну с теплой водой, а затем вымыта под душем и просушена в естественных условиях, при комнатной температуре. Наслоения легко удалялись с поверхности, но оказалось довольно трудно удалить их из трещин, мелких углублений, неровностей. Они удалялись по мере возможности, механически: скальпелем, иглой, смоченными в воде ватными тампонами. После этого чаша выдерживалась в дистиллированной воде с периодической сушкой.

После удаления наслоений стала хорошо видна роспись и появилась возможность оценить ее художественные достоинства. Стали отчетливо видны и повреждения – трещины, сломы, потертости. Очень потерта, покрыта мельчайшими царапинами глазурь в зеркале чаши. При достаточном освещении видно, что глазурь на стенках контрастирует своим блеском с поврежденной, потускневшей глазурью в зеркале. Трещины кракле – темно-

серого, почти черного цвета, ореолы вокруг кракле и сквозных трещин – серые; чем больше трещин на том или ином участке, тем интенсивнее ореолы. Там, где трещин относительно немного, ореолы желтые. Имеются и зеленые пятна под глазурью.

Спектральный анализ, выполненный научным сотрудником ОНТЭ К. С. Чуговой после реставрации, показал, что глазурь не оловянная и не свинцовая, а щелочная. Свинец составляет здесь не более 0,1% и присутствует только как примесь, но не является стеклообразующим. Поскольку щелочная глазурь мягкая и легко уязвима, есть опасность ее разрушения, отслаивания по трещинам при колебаниях температуры и влажности. Красящее синее, как и предполагалось, кобальт. Наличие мышьяка объясняется тем, что он присутствует как примесь к кобальту, но также может сопровождать хлориды меди.

Восполнение утрат не было признано целесообразным; были лишь подклеены по месту подлинными фрагментами (решение реставрационной комиссии по керамике, фарфору, стеклу № 233 от 8.11.06). Склейка произведена на 10%-ным раствором ПВБ в спирте. Как видим, степень вмешательства в памятник оказалась минимальной. В настоящее время чаша возвращена на место своего постоянного хранения. Ожидается, что стенки по-прежнему будут выделять соли меди, но не так интенсивно. Ведется наблюдение за состоянием памятника; в случае необходимости будет проводиться повторная расчистка. В изучении памятника еще не поставлена точка.

Подводя итог, можно сказать, что в вопросах реставрационного вмешательства был избран деликатный, сдержанный подход. Каждое предпринятое действие диктовалось строгой необходимостью. Все вновь примененные реставрационные материалы обратимы и инертны по отношению к материалу подлинника. Если следы реставрационных вмешательств и прочие свидетельства бытования и подлежали удалению, то по веским причинам: во-первых, внесение значительных «шумов» в восприятие целостно-

го образа памятников, во-вторых, негативное воздействие на их материальную структуру (хлориды, ржавчина от скоб). Перед удалением этих «свидетельств» с них была снята подробная и важная информация, они были тщательно задокументированы. Со-

трудничая с узкими специалистами разных направлений, реставраторы выступили как исследователи памятников, обладающие арсеналом собственных методов изучения, применение которых дало новые и важные результаты.

ПРИМЕЧАНИЕ

* См. для сравнения: *Crowe Y. Persia and China*. London, 2002. Fig. 63, 68, 82, 83, 208, 254 (декоративное решение внутренней поверхности чаш); fig. 450, 454, 455, 456, 457, 458, 461, 465 (декоративное решение наружных стенок чаш).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иран в Эрмитаже. Формирование коллекций: каталог выставки / Государственный Эрмитаж; вступ. сл. М. Б. Пиотровского; авт.-сост. А. Т. Адамова, А. Б. Никитин. СПб.: Славия, 2004. 255 с.
2. *Golombek L., Mason R. B.* New Evidence for Safavid ceramic production at Nishapur. // *Apollo: The International Magazine of Arts*. Vol. 142. № 401 (July 1995). P. 33–36.
3. *Golombek L., Mason R. B., Bailey G. A.* Tamerlane's Tableware. A New Approach to the Ghinoiserie Ceramics of Fifteenth- and Sixteenth-Century Iran. Mazda Publishers in association with Royal Ontario Museum. Toronto, 1996. 256 p.
4. *Lane A.* Later Islamic Pottery. Persia, Syria, Egypt, Turkey. Faber and Faber, London, 1957. 132 p.

REFERENCES

5. Iran v Ermitazhe. Formirovaniye kolleksiyy: katalog vystavki / Gosudarstvennyy Ermitazh; vstup. sl. M. B. Piotrovskogo; avt.-sost. A. T. Adamova, A. B. Nikitin. SPb.: Slaviya, 2004. 255 s.
6. *Golombek L., Mason R. B.* New Evidence for Safavid ceramic production at Nishapur. // *Apollo: The International Magazine of Arts*. Vol. 142. N 401 (July 1995). P. 33–36.
7. *Golombek L., Mason R. B., Bailey G. A.* Tamerlane's Tableware. A New Approach to the Ghinoiserie Ceramics of Fifteenth- and Sixteenth-Century Iran. Mazda Publishers in association with Royal Ontario Museum. Toronto, 1996. 256 p.
8. *Lane A.* Later Islamic Pottery. Persia, Syria, Egypt, Turkey. Faber and Faber, London, 1957. 132 p.